

Сектор газетных и журнальных вырезов Мосгорсправка НКС

Мясникова, 26-Б

Тел. 96-59

Вырезка из газеты: Красная Газета веч. вып.

Ленинград

Газета №

Рис. Н. М. Кочергина

СЕГОДНЯ — ПОСЛЕДНЯЯ ГАСТРОЛЬ МЭИ ЛАНЬ-ФАНА

УРОКИ КИТАЙСКОГО ТЕАТРА

Мне думается, что общих приветливых и любезных слов сказано о китайском театре достаточно и пора уже поставить себе более «деловой» вопрос: чем может быть нам **полезен** полученный нами опыт, какие **уроки** могут быть нами извлечены из этих выступлений?

Должен оговориться, что суждения мои неизбежно будут очень поверхностны. Я просмотрел до сих пор только прошедшие пять спектаклей, а это бесконечно мало, чтобы хотя немного проникнуть в суть такого законченного и самобытного искусства.

Первое и очень волнующее наблюдение — это **глубокая внутренняя общность и общеобязательность** всякого подлинного искусства сквозь преграды рас и эпох.

Всякий настоящий актер в каком-то смысле играет «по системе Станиславского», соблюдая один непрменный закон — закон достаточного основания и мотивировки человеческих поступков. Внимательно наблюдая тончайшую психологическую игру Мэй Лань-фана, этой Комиссаржевской китайского театра, вы всюду видите такую глубочайшую оправданность каждого шага. Незабываемый тихий предсмертный смешок самоубийцы в «Генерале Тигре», игра с платком любимого и шутивно-застенчивые приказания уйти непокорной служанке в «Радужном перевале», кокетство с мужем в «Подозрительной тифле» — все это проявления глубоко реалистического и правдивого трагического искусства, создающего биологически и социально завершенные образы.

Второе наблюдение — это условность, недостаточность и неоконченность ка-

кого-то понятия о театральных жанрах. Не в том смысле, что мы чему-нибудь должны учиться у китайской драматургии. Насколько я понял, мы имеем здесь дело с синкретическим искусством, с драмой, еще не вполне выплывшей из своей эпической скорлупы. Оттого-то актер и бывает вынужден представлять не только рыбака в лодке, но и самую лодку, качающуюся в волнах. Нет, европейские драматурги пишут лучше китайских. Но композиторам, балетмейстерам и оперным режиссерам следовало бы подумывать о **новом** типе оперно-балетного зрелища, о **новой** пропорции смещения этих искусств.

Третье наблюдение касается непривычного для нашей театральной практики понимания темы и ее варьирования. Мы всегда стараемся быть лаконичными, скупыми, чуть озаглавливая темы отдельных столкновений на сцене. Рокковой бой между вдовой генерала и враждебным полководцем в «Радужном перевале» с его изумительными страстными ферматами, поражает нас богатством, пышностью, изобилием и щедростью **вариаций**. Вот, кажется, исчерпаны уже все фехтовально-балетные комбинации между двумя положениями, необычайными в своей неискяземости. Это новый для нас, глубокий и поучительный метод, повышающий требования к изобретательности художника.

Четвертое наблюдение — о **богатстве актерской техники**.

Я думаю, что наши балетмейстеры заимели и эффективные — хотя не такие уже новые шпагаты Ян Шен-гуна и пресловутые его перекидные жето с горизонтально наклонным корпусом а

«Духе обезьяны». Я собираюсь говорить о более общих вещах.

Прежде всего, **руки** Мэй Лань-фана — это инструмент совершенно неизвестной нам выразительности. Кажется, столетия китайской живописи и скульптуры расцветают на наших глазах, когда из плена огромных шелковых рукавов, как актеры из-за тяжелых занавесей, вылетают точеные из слоновой кости руки этого наумительного актера.

Правда, мы можем считать, что лицо европейца мимирует более выразительно, чем лицо китайского актера, мы можем думать, что такая хрупкость и подвижность пальцев достигается только поколениями, не державшими в руках ни топора, ни лопаты. Все же следует признать, что в **мимике рук** Мэй Лань-фан, подобно античному актеру, обладает могущественным выразительным средством, которым мы, держа руку по преимуществу «лопаточкой», незаслуженно пренебрегаем.

И, наконец, **синтетическое мастерство** китайского актера, певца, танцовщика, акробата и бойца напоминает нам о том, что мы напрасно снизили наши требования к технологической вооруженности современного актера.

Я прошу читателей простить меня за крайнюю сухость этих строк, но мы жадны до ученья, зная, какие огромные требования ставит перед искусством эпоха социализма, зная, что будущее социалистическое искусство впитает в себя все лучшее, что создано трудом и талантом всего человечества.

СЕРГЕЙ РАДЛОВ